

выделить из него общие идеи. Если бы вид уже не обладал некоторым единством — впрочем, низшего порядка по отношению к нумери-ческому единству конкретного индивида, — то наши понятия вообще ничему бы не соответствовали. И наоборот, универсалия вида, фрагментарно обнаруживающаяся у различных индивидов, всегда несет в себе некий признак индивидуальности. В самом деле, чтобы объяснить индивидуальное, Дунс Скот здесь, как и везде, должен исходить из природы, или общей сущности, не общей и не особенной, которую и рассматривает метафизик. Таким образом, у него решение этой проблемы неизбежно требует добавления к сущности индивидуальной

455

1. Дунс Скот и реалисты XIV века

детерминации. Такой детерминацией не может быть форма, так как последняя является общей для индивидов одного вида; значит, она должна исходить изнутри самой формы. В самом деле, пишет Дунс Скот, детерминация находит в форме последнюю актуальность. Это — та самая «этость», или «это-вость» («haecceitas»), Скота, последнее действие, определяющее форму вида в единичности индивида.

Стремление возможно полнее обеспечить оригинальность индивида тесно связано у Дунса Скота с его концепцией примата воли и с доктриной свободы. Для него, как и для св. Фомы, воля желает, а разум познаёт; однако тот факт, что воля может руководить действиями разума, представляется ему достаточным, чтобы решить вопрос в пользу примата воли. Несомненно, мы хотим только того, что знаем, и в этом смысле интеллект является причиной воли; однако он всего лишь окказиональная (случайная) причина. Напротив, когда воля направляет интеллект, именно она является причиной любого его акта, даже если данный акт остается лишь актом понимания. Если мы рассмотрим акт воли сам по себе, то истинно, что познание желаемого объекта предшествует волеению во времени, но не менее верно и то, что воля есть первопричина действия. Познание объекта разумом — всегда лишь случайная причина волевого акта.

Это утверждение примата воли над разумом позволяет нам предвидеть волюнтаристскую, а не интеллектуалистскую концепцию свободы, и именно ее мы обнаруживаем в системе Дунса Скота. Так же, как он настаивает на принципиальной индифферентности божественной свободы, он стремится объявить одну лишь человеческую волю всеобщей причиной актов воли. Одна лишь воля, говорит он в одной захватывающей формулировке, есть всеобщая причина волеения в воле («*nihil aliud a voluntate est causa totalis volitionis in voluntate*»). Верно, что мы Должны познать объект, чтобы его пожелать, а то, что заставляет нас его желать, есть бла-

го, которое мы в нем видим. Но столь же верно и следующее: если мы познаём данный объект больше, нежели другой, то потому, что желаем его. Нас детерминируют наши идеи, но прежде того мы детерминируем выбор идей. Даже когда представляется, что решение совершить то или иное действие строго задано нашим знанием об объекте этого действия, то и тогда на первом месте стоит воля, которая пожелала этого знания или приняла его, и в конечном счете она одна несет полную ответственность за решение.

Итак, мысль Дунса Скота, которая при первом приближении может показаться очень родственной мысли св. Фомы, во многих отношениях отличается от нее, и иногда вплоть до противоположности. Причем вовсе не терминологические тонкости и словесная игра разделяют этих двух мыслителей. В философских учениях обоих используется один и тот